

15. *Picard R.G.* The deinstitutionalization of journalism. URL: <http://themediabusiness.blogspot.de/2013/12/the-deinstitutionalization-of-journalism.html>
16. The humanisation of media? Social media and the reformation of communication: Keynote speech of prof. R.G. Picard to the Australia & New Zealand Communication Association 2014. URL: http://www.robertpicard.net/files/Picard_Humanising_of_Media_Speech.pdf
17. *Matheson D.* What the Blogger Knows // Journalism and Citizenship: New Agendas in Communication. New York, 2009. P. 151–165.
18. *Ван Дејк Т.А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
19. *McNair B.* Cultural Chaos: journalism, news and power in a globalised world. London, 2006.

E.B. Khorolceva, A.V. Fedorova
Reflexive Communication Risks
in Conditions of Crisis

Features of reflexive communication in conditions of the Russian crisis are analyzed. Opportunities of reflexive communication management at the theoretical, methodological and practical levels are considered. It is proved that cultural field transformation and command of the five-level reflection technology significantly affect the efficiency of reflexive communication risks management.

Key words and word-combinations: risk management, modern organizations, organizational and managerial risks, reflexive communication, crisis.

Анализируются особенности рефлексивных коммуникаций в условиях российского кризиса. Рассматриваются возможности управления рефлексивными коммуникациями на теоретическом, методологическом и практическом уровнях. Доказывается, что существенное влияние на эффективность управления рисками рефлексивных коммуникаций оказывают изменения культурного поля и владение технологией пяти уровней рефлексии.

Ключевые слова и словосочетания: управление рисками, современные организации, организационные и управленческие риски, рефлексивные коммуникации, кризис.

УДК 005.3
ББК 60.82

А.В. Федорова, Е.Б. Хорольцева

РИСКИ РЕФЛЕКСИВНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Мы живем в ситуации глобального и нарастающего по своей остроте кризиса, отличительными особенностями которого являются высокие уровни рискогенности и конфликтогенности. Глобальность переживаемой ситуации проявляет себя в процессе аккумуляции многочисленных системных, частных кризисов: кризиса доверия к власти, кризиса оппозиции, кризиса семьи, кризиса системы образования и здравоохранения, многочисленных проектных кризисов, организационных и управленческих кризисов, коммуникационных кризисов. «Сам кризис характеризуется сломом траекторий экономического и социального развития России, сопровождающимся повсеместным смятением умов, неясностью перспектив обеспечения личного благосостояния, потерей действовавших ранее ориентиров индивидуального и социального действия» [1, с. 8].

В структуре определения кризиса присутствует сравнительный анализ настоящего с прошлым, настоящего с будущим и ощущение нормы, легитимирующей те или иные отклонения от нее или присваивающей отклонениям статус кризисности. Кризисная ситуация связана с высокой неопределенностью как агентов организационно-управленческой деятельности, так и целостных организаций (сложных систем агентов, практик и габитусов). Агент, согласно концепции П. Бурдьё, активен, способен действовать, он является носителем социальных и организационно-управленческих, априорно конфликтных практик и стратегий. Агент в современных организациях принимает на себя функцию агента организационно-управленческих изменений, выступает инноватором, испытывающим влияние габитусов. Габитус у П. Бурдьё — селектор практик в объективной реальности и в представлениях агентов [2, с. 125–131].

Сделаем методологическое отступление: понятие агента вводится для того, чтобы акцентировать внимание на конфликтности анализируемых практик и конфликтной организации полей. Практики агентов, в том числе коммуникационные, становятся рискованными и конфликтными в рамках социального и организационного поля, выделяемого нами в исследовательском контексте [3]. Кризисная ситуация проявляет многочисленные социальные и организационно-управленческие противоречия, риски и конфликты в различных полях социального пространства.

Раскроем понятия рисков и конфликтов, которые будем активно использовать в развивающемся исследовательском контексте. Аккумулируя современные подходы к социальным и организационно-управленческим рискам, в работе применяем системный подход, в основе которого лежит понимание рисков как ситуации с ее структурными компонентами [4]. К числу основополагающих элементов могут быть отнесены источники рисков, причины рисков, условия рисков, факторы рисков, виды рисков, субъекты и объекты рисков, уровень и степень рисков, стратегии управления рисками, рассматриваемые в рамках школы планирования или школы дизайна. Школа дизайна позволяет обратиться к рефлексивным коммуникациям, так как основными требованиями, предъявляемыми к стратегии, являются: осознанность, продуманность или рефлексивность формирования; присваивание ответственности за нее руководителем; принятие им роли стратега; наличие уникальных компетенций стратега для формирования лучшей стратегии; моделирование ее как перспективы; точная определенность стратегии и простота; процесс внедрения стратегии так же важен, как и разработка [5, с. 26–41]. Каждое из семи кратко сформулированных требований детерминировано эффективно выстраиваемыми коммуникациями рефлексивного типа. В условиях кризиса рефлексивные коммуникации в качестве структурных компонентов включают неопределенность, скомпрессированность коммуникационных практик во времени, жесткие практики распределения и присваивания ответственности. Разработку стратегий управления рисками можно отнести к зоне высоких рисков.

Дополняет это определение понимание рисков как системы взаимосвязанных действий социальных агентов, направленных на преодоление информа-

ционной и временной неопределенности (темпоральности), последствиями которых могут быть как ущерб, так и выигрыш или открывающиеся возможности. Структурными и необходимыми условиями рисков являются неопределенность, системность («новая» системность, обусловленная нелинейностью протекающих событий и процессов) и два модуса (проигрыш — выигрыш).

В российской «грустной» культуре риски осмысливаются исключительно с точки зрения ущерба, ошибок, потерь, возможных санкций. Однако остается неосвоенным на теоретическом, методологическом и практическом уровне другой модус социальных и организационно-управленческих рисков — это риски, рассматриваемые как раскрывающие возможности социальных практик. Развитие этого модуса требует значительного интеллектуального и организационно-управленческого капитала. Это ресурсоемкая и пролонгированная во времени технология внедрения необходимых взаимосвязей, а также их актуализация. Значительную роль в процессе внедрения рисков как возможностей в интеллектуальную и организационно-управленческую ткань играют эффективные (неэффективные) коммуникации рефлексивного типа, на основе которых возможно создание такого организационно-управленческого ресурса, как культура риска. Нерекурсивность культурному контексту позволяет говорить о потенциально высоком уровне и степени социальных и организационно-управленческих рисков.

Отличительными характеристиками социальных и организационно-управленческих рисков выступают открытость, нелинейность и непропорциональность затрачиваемых усилий и получаемых результатов. Аналитика и систематика социальных и организационно-управленческих рисков может быть представлена с помощью «матрицы рисков», когда выявляются источники, причины, условия, факторы, виды рисков, субъекты, объекты, уровень и степень рисков, эффективные практики управления рисками. Это позволяет зонировать (выявлять зоны высокого, среднего и низкого рисков, осуществлять грамотный и системный мониторинг динамики перехода рисков из одной зоны в другую) не только поле рисков, но и поле конфликтов. Уровень и степень рисков линейно зависят от уровня и степени конфликтов. При выходе в зону высоких рисков количество конфликтов в единицу времени (уровень конфликтогенности) резко повышается. «Матрица рисков» выступает в роли выстраиваемой коммуникации рефлексивного типа. Она определяет структуру этой коммуникации, способствуя «схватыванию» социальных и организационно-управленческих рисков в акте рефлексии.

«Матрица рисков» выявляет зоны с высоким, средним и низким уровнями конфликтогенности и способствует управлению конфликтами, находящимися в зоне с высоким уровнем и степенью конфликтогенности [4, с. 52]. Как это реализуется в организационно-управленческих практиках? Зоны высоких, средних и низких рисков определяют границы конфликта или конфликтной ситуации, ее уровень, масштаб, стороны, действия сторон и тем самым маркируют конфликты и конфликтные ситуации. Непосредственного и немедленного урегулирования требуют конфликты, находящиеся в зоне высоких рисков. Мониторинг конфликтов, принадлежащих зоне средних рисков, поз-

воляет отслеживать их переход в зону высоких рисков. «Матрица рисков» — это одна из возможностей более эффективного управления конфликтами и практиками конфликто разрешения. Она позволяет быстро идентифицировать социальные конфликты и не останавливаться на симптомах и последствиях. Тем самым снижается вероятность попадания в «дурную бесконечность» или фрагментарность, связанную с урегулированием симптомов или последствий как рисков, так и конфликтов. Опасность урегулирования последствий рисков и конфликтов заключается в нивелировании ключевой риско-конфликтологической ситуации, которая будет снижать эффективность организационно-управленческих практик с помощью новых симптомов, со временем приобретающих кризисные формы.

В рассматриваемом контексте конфликт приобретает статус не только сложного и многомерного объекта для исследований и управления, но и механизма проявления и управления общественными противоречиями, механизма перевода деструктивных, дисфункциональных, диспроцессных и дискommункационных проявлений конфликтов в конструктивные феномены и процессы социальной реальности [5, с. 122].

Понимание кризисности, катастрофичности, рискованности и конфликтности присутствует в социально-философском, экономическом, социологическом, организационно-управленческом поле. Исследователи и представители научного сообщества стремятся отразить особенности кризисной ситуации и инвариантные характеристики организационно-управленческих практик. Перефразируя Г.П. Щедровицкого, можно утверждать что в современной ситуации осталось мало осмысленной деятельности и деятельностной мысли [7, с. 17].

Изменению сложившейся ситуации способствует рефлексия. Она предполагает обращение к уже произошедшим событиям, действиям, мыслям, комплексу мыследеятельности, процессам и ситуациям. Рефлексия — сложный и многоуровневый процесс, включающий коммуникации с весьма специфическими характеристиками [7]. Рефлексивные коммуникации — это уровень над-повседневных социальных и организационно-управленческих рутинизированных коммуникаций. Рефлексивные коммуникации позволяют состояться рефлексии как феномену, то есть структурной целостности, непосредственно данной сознанию как содержание его интенциональных актов и обнаруживающей себя через них [8]. Благодаря рефлексивным коммуникациям реализуется феноменологическая редукция, в процессе которой сознание способно вернуться к самому себе. Рефлексивная коммуникация испытывает влияние кризисной ситуации. Она приобретает свойство самореферентности, обращенности на себя.

Ситуация кризиса определяет новые параметры эффективности агентов, их практик и стратегий. основополагающей характеристикой становится не столько способность к рефлексивным коммуникациям, сколько быстрота перехода от повседневных коммуникаций к плану рефлексии и обратно. Это определяет количество решаемых задач в единицу времени. Имеют значение и уровни рефлексивных коммуникационных практик: праксиографический (что

происходило?), деятельностный (что я и не-я делал?), уровень мыслительных процессов (как я мыслил?), уровень объективации нового знания, умения (что нового я узнал?) и уровень собственно организационно-управленческой практики (что я готов использовать в рутинизированной или инновационной организационно-управленческой деятельности или совокупности деятельностей?). Эти уровни устроены иерархично, на каждом из них создаются свои объекты для коммуникаций. Уровни рефлексивных коммуникационных практик образуют «новую системность», определяя структурные компоненты организационно-управленческих коммуникаций в современной кризисной ситуации.

Уровень праксиографии отличается простыми дескриптивными коммуникациями, включающими элементы самоопределения в большей степени топологически и темпорально. Праксиографическая коммуникация несистемно «схватывает» некоторые элементы социального контекста организационно-управленческой реальности. В процессе выстраиваемой коммуникации с субъектом управления, наделенным властью, формируются многочисленные хинтерланды реальностей. Под хинтерландом вслед за Дж. Ло будем понимать пучок сколь угодно далеко распространяющихся отношений, включающих описание реальности и сами реалии. Хинтерланд — это и вероятность различного рода контингентностей, связывающих людей, материальные устройства, топологии, логики, по которым организованы эти топологии и т.д. [9, с. 288—332]. Задача праксиографических коммуникаций — вбросить личностный контекст в публичное пространство и инновировать его. В этом смысле праксиографические коммуникации приобретают статус коммуникативных действий (Ю.Хабермас). Риски праксиографических коммуникаций связаны в большей степени с динамикой развития публичных коммуникаций. Высокая степень неопределенности публичного пространства до возникновения и развертывания праксиографических коммуникаций детерминирует высокие риски. По мере роста количества интеракций праксиографического плана коммуникации усложняются, риски начального этапа снижаются, но начинает увеличиваться уровень интерпретативных рисков, а также рисков, связанных с моделированием идеально-типических ситуаций коммуникаций, и возрастает количество конфликтных ситуаций, связанных с самоопределением агентов коммуникационных интеракций. Конфликтотенными становятся процессы наложения контекстов, интерпретации и перевода, формирования единого нарратива, рационализации и объяснения.

Уровень коммуникативных действий сложен по своим репрезентативным характеристикам. Изменяется статус агента коммуникации: он трансформируется в субъект коммуникативного действия, основополагающим элементом которого является ориентация на взаимопонимание как эффективный механизм координации действий. Структурными составляющими выступают не только ситуация речи, но и ситуация действия, осуществляемого на фоне жизненного мира (значимые условия и ресурсы для взаимопонимания) и сферы референций (согласие на уровне знаний, норм, чувств, оценок). Решения принимаются на основе взаимного согласия агентов коммуникации [10, с. 35—55]. Риски комму-

никативных действий связаны как с открывающимися возможностями (рассказать о действиях в публичном пространстве с интенцией, направленной на согласие), так и с потерями, ущербом (достижение стратегического согласия из-за оценок других участников публичных коммуникаций). Рациональность публичной сферы способна изменить рефлексивные коммуникации: ценность коммуникативных действий, стратегии управления коммуникативными действиями (субъект отказывается от коммуникаций). Конфликты возможны на этом уровне благодаря оценке, интерпретации и искусным манипуляциям участников рефлексивных и публичных коммуникаций.

На уровне мыследеятельности происходит понимание того, как выстраивался мыслительный процесс, как формировался поток мысли. В его основе может лежать алгоритм действий, не раз опробованный и неизменно приводящий к успеху; ассоциативный ряд или простое рядоположенное понимание объектов мыслительной деятельности, когда один объект последовательно сменяет другой. Данный уровень рефлексии отличается высокой сложностью и требует особенных коммуникаций. Отличительными чертами рефлексивных коммуникаций на этом уровне становятся высокие риски: неумение и непонимание того, как возможно зафиксировать поток сознания и тем более выразить в ситуации речи. Рационализация «жизненного мира» (Ю.Хабермас): взаимодействий, опыта, знаний, которыми обладает актер рефлексивных коммуникаций, — приводит к простраиванию субъективных компонент коммуникативной рефлексии. На следующем этапе необходимо трансформировать элементы жизненного мира посредством речевых актов в социальные коммуникационные системы. Подвижность и проницаемость границы, существующей между жизненным миром и системой, позволяет выстраивать эффективные рефлексивные коммуникации в публичном пространстве. В этой ситуации публичная сфера обладает принудительными характеристиками. Она оказывает существенное давление на акторов и бросает новые вызовы их возможностям. Эти коммуникативные вызовы связаны с интегративными стратегиями, с надежностью и устойчивостью простраиваемых коммуникационных систем, с системной интеграцией.

Следующий этап рефлексивных коммуникаций связан с выявлением нового знания, опыта, который аккумулирует рефлексивные коммуникативные практики предыдущих этапов. Высокие риски этого этапа обусловлены двойными рефлексивными коммуникативными практиками. С одной стороны, уже присутствуют как феномены социальных взаимодействий рефлексивные коммуникации — последствия осознания субъективного прaksiографического и мыследеятельностного опыта. С другой стороны, сложившиеся рефлексивные коммуникации становятся самореферентными, то есть вырабатывают собственные структуры системной внутренней и внешней соотнесенности. Выстраивается нормативная структура рефлексивных коммуникаций, которая пронизывает все уровни рефлексивного взаимодействия и обеспечивает нормативную связанность.

На последнем этапе рефлексивных коммуникаций происходит «пробрасывание» опыта и последствий рефлексивных коммуникаций в будущее, про-

страивание событий будущего. Экстраполяция опыта рефлексивных коммуникаций в настоящем на возможные события будущего происходит в условиях высокой неопределенности и рисков. Однако формирование «коридора» безопасных социальных и организационно-управленческих практик способствует существенному снижению социальных и организационно-управленческих рисков и уровня неопределенности. Возникает новый тип системы рефлексивных коммуникаций, элементами которой являются интегрированные нормативной структурой рефлексивные практики прошлого, настоящего и будущего.

Сущностными характеристиками современной рефлексивной коммуникационной ситуации становятся особенности, связанные с социальным временем протекания событий в организациях и системах управления. Если обращаться к временным особенностям (темпоральности) современности, то можно отметить высокие темпы социальных изменений, пронизывающих все сферы общества, а также ахронию, гетерогенность, эффект палимпсеста, кризисные явления, проявляющие себя в современных организационно-управленческих практиках [3].

Высокие темпы социальной, организационной жизни проявляют себя в недоформированности (отсутствии), например, миссии организаций (слишком далекие перспективы, высокая неопределенность, высокий уровень и степень риска), стратегических целей (нет времени, не хватает и других организационных ресурсов: человеческих, финансовых, материальных, информационных); в сосредоточенности на настоящем, «в точке», в сегодняшнем моменте, на текущих проблемах (которые не успевают трансформироваться в проблемные ситуации и тем более в структурированные проблемные ситуации). Сокращение горизонтов планирования и времени, которое отводится на практики планирования в современных организациях, также указывает нам на увеличение темпов организационной жизни.

Ахрония отсылает нас к фактическому отсутствию повторяющихся, периодичных организационно-управленческих и рефлексивно-коммуникативных практик. Современные организации, системы управления и рефлексивные коммуникации в них становятся нестабильными, флуктуирующими, непредсказуемыми в процессах функционирования, изменения и развития. Временные особенности можно дополнить эффектом палимпсеста (конъюнктурным переписыванием собственного прошлого).

Темпоральность (временные особенности) можно дополнить ошеломляющими изменениями современного организационного поля и поля функционирования и развития современных систем управления. Возникают новые типы систем управления и соответствующие им рефлексивные коммуникации: виртуальные, сетевые, интеллектуальные, органические, многомерные, мозаичные организации. Наибольший исследовательский интерес и наибольшие риски возникают в мультинациональных компаниях, транснациональных корпорациях, холдингах, организационных альянсах и соответствующих им типах рефлексивных организационно-управленческих коммуникаций.

Г.П. Щедровицкий, описывая особенности социокультурной ситуации, обращал внимание на кризисные характеристики, оказывающие существенное

влияние на современные исследования систем управления, и рефлексивные коммуникации, связанные с ними: выделение и оформление технологий в самостоятельные, живущие по своим законам сущности; разрыв рефлексивных практик и коммуникаций; слабые рефлексивные коммуникации и ограниченность методологических подходов к исследованиям организационно-управленческих и коммуникационных практик; риски, связанные с отсутствием исследовательских практик среднего уровня; отсутствие интегративного знания, методологии, технологий, практик; выделение проектного знания и практик, рефлексивных коммуникаций на различных этапах проектной деятельности; повышение статуса организационно-управленческих практик [7].

В заключение необходимо отметить, что риски рефлексивных коммуникаций в условиях кризиса имеют многоуровневую природу. «Схватыванию» рисков возможно на теоретическом уровне в ситуации рефлексии по отношению к кризисным явлениям, их сущностным характеристикам, видам и причинам кризисов, затрагивающих социальные и организационно-управленческие практики. На методологическом уровне риски проявляются в ситуациях использования методологии мягких систем (Х.Чекланд), СМД-методологии Г.П. Щедровицкого, методологии, предложенной Дж. Ло. На технологическом уровне риски рефлексивных коммуникаций представлены результатами, связанными с использованием матрицы рисков, которая определяет структурные компоненты рисков рефлексивных коммуникаций и зонировывает их, маркируя зоны с высокими, средними и низкими рисками, требующие управления в дальнейшем. Основными элементами матрицы рисков являются источники и причины рисков; условия и факторы, конкретизирующие и раскрывающие выявленные источники и причины; субъекты и объекты рисков (агенты социальных и организационно-управленческих практик); уровень и степень рисков; виды рисков и стратегии управления ими. На технологическом уровне нами был описан процесс пятиуровневой коммуникационной рефлексии и особенности протекания каждого из этапов: праксиографического, мыслительности, социального или организационно-управленческого действия, инновационного этапа и этапа внедрения инноваций в рутинизированные организационно-управленческие практики. Нами было отмечено, что эффективность мониторинга, идентификации, оценки и управления рисками рефлексивных коммуникаций определяется пониманием организационно-управленческого контекста этих практик, системности и кризисности как инвариантных характеристик протекания этих процессов, а также интегративным характером как рефлексивных коммуникаций, так и социальных или организационно-управленческих рисков.

Библиографический список

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М., 1999.
2. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
3. *Наумов С.Ю., Журавлев П.В., Шеховцев А.Ю., Федорова А.В.* Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004.
4. *Федорова А.В.* Исследование современных организаций: теоретические основания и ме-

тодологические установки // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 3 (42). С. 108–116.

5. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпл Дж. Школы стратегий. СПб., 2001.

6. Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Исследования систем управления: методологический аспект // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 2. С. 110–117.

7. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. М., 2004.

8. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. СПб, 1909.

9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.

10. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013.

N.A. Luchkov, P.P. Anoshkin
Political Violence and the State
in Political Philosophy
by N.A. Berdyayev

The problems of political violence and the state, war, politics, and law that have not been appropriately reflected in modern literature are researched. It is proved that his conceptual and methodological approaches to understanding political violence and the state have huge practical and theoretical significance. The authors attempt to reconstruct and systematize Berdyayev's ideas of political violence and the state.

Key words and word-combinations: state, power, war, politics, political violence.

Исследуются проблемы государства и политического насилия, войны, политики, права в трудах Н.А. Бердяева, не получившие соответствующего осмысления в современной литературе. Доказывается, что концептуально-методологические подходы Н.А. Бердяева к пониманию государства и политического насилия имеют огромную практическую и теоретическую значимость. Осуществлена попытка реконструкции и систематизации идей государства и политического насилия в философии политики Н.А. Бердяева.

Ключевые слова и словосочетания: государство, власть, война, политика, политическое насилие.

УДК 321.01
ББК 66.01

Н.А. Лучков, П.П. Аношкин

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА

На современном этапе развития российской государственности политическое насилие остается важнейшим ресурсом осуществления внутренней и внешней политики государства, обеспечения стабильности, целостности и безопасности гражданского общества. На протяжении многих лет проблема государства и политического насилия является объектом исследования политической философии, социологии, политологии и других общественных наук.

Значительный вклад в разработку проблем государства и политического насилия в свое время внесли представители русской религиозной философии, идеи которых в условиях господства марксистского и либерального подходов не получили соответствующего развития и осмысления. «Выдающи-